

В XVIII том «Оксиринхских папирусов» Лобель включил два очень интересных почти целиком сохранившихся стихотворения Алкея¹; при этом он указывал, что эти два стихотворения — только образцы и что следующий том издания будет посвящен специально Алкею и Сафо, так как найдено очень много отрывков из стихотворений этих поэтов. Однако ни в XIX, ни в XX томах обещанные отрывки не были опубликованы; они появились только в XXI томе. Фрагменты действительно оказались многочисленными, но, как правило, это ничтожные отрывки, не дающие возможности восстановить целиком даже отдельные фразы. Таким образом, долгожданный XXI том в значительной мере разочаровал исследователей.

Зато следующий, XXII том дал очень много интересного литературного материала. Материал этот чрезвычайно разнообразен — от VIII в. и до начала нашей эры.

XXII том открывается отрывком из приписывавшегося Гомеру «Маргита», юмористической повести о похождениях дурака, пародирующей эпические повествования о подвигах героев. По мнению древних, эта поэма была написана самим Гомером; так думал и Аристотель («Поэтика», IV, р. 1448 b 28 сл.). Он высоко ценил это произведение и считал, что «Маргит» был в такой же мере предшественником античной комедии, в какой «Илиада» и «Одиссея» были предшественниками трагедии. В основу повести положен засвидетельствованный для самых различных народов фольклорный сюжет о дураке, который все делает невпопад. Наибольшей популярностью пользовалось описание брачной ночи Маргита: Маргит не решался обнять свою жену, боясь, что она пожалуется матери, и т. д. Именно эта сцена, о которой до сих пор не было известно ничего, кроме трех кратких замечаний (у Евсевия, Свида и у Диона Хрисостома), сохранилась (правда, в фрагментарном виде) на папирусе № 2309. Коснусь только вопроса о стихотворных размерах отрывка. Нам хорошо известен архилохов эпод, в котором правильно чередуются дактилический стих с ямбическим. Можно было думать на основании сохранившегося отрывка из «Маргита», что и так называемые «героямбы» (героические ямбы) в «Маргите» представляли собой также правильное чередование, например, двух ямбических стихов с одним дактилическим. Оказалось, что в «Маргите» ямбические и дактилические стихи чередовались без правильного порядка. Вот схема нового отрывка (д. — означает дактилический гексаметр, я. — ямбический триметр):

я. д. я. я. я. я. д. д. д. д. д. я. я. д. д. я.

Значительно более интересно в этом томе сравнительно хорошо сохранившееся стихотворение Архилоха (№ 2310), написанное ямбическими триметрами. Дополнением и толкованием этого стихотворения занимался лозаннский профессор Лассерр, посвятивший ему статьи в «Museum Helveticum», 13 (1956), стр. 226—235, и в «Revue

¹ См. рец. С. Я. Лурье, ВДН, 1947, № 1, стр. 197 сл.

de Philologie», 83 (1957), стр. 57—67, а также включивший его с комментарием в издание им в 1958 г. собрание Archiloque, Fragments, в «Collection» Budé^{1a}. Так как его толкование этого стихотворения кажется мне неправильным, позволю себе остановиться на нем подробнее. Даю перевод этого отрывка: «... а я отвечаю: „Женщина, несколько не бойся дурной молвы людей...; я позабочусь, будь спокойна. Неужели тебе кажется, что я дошел до такого уж несчастного состояния? Я оказался бы жалким человеком, не таким, каков я и каковы те, от кого я произошел. Но я умею быть другом тому, кто мне друг, и быть врагом моим врагам и кусать их, словно муравей — в этих словах правда. Живи же в городе, который мужи (следует глагол в аористе с ласкунной посредине), а ты истребил(а)... копьем, за что и стяжал(а) великую славу. Царствуй и господствуй над этим городом; когда-нибудь ты станешь... людей...“».

В дальнейших, сильно поврежденных строках можно прочесть: «... с маленьким судном (или: на маленьком судне) большой (может быть, груз или путь)... Ты пришел к нам из Гортинии... ты не стал (может быть, добычей) для рыб и коршуннов... я очень рад этому (далее — непонятные две строки)... руку я стал рядом... я забочусь о грузе... погибло... чтобы не зевал... (или способом — μή χάνηι или χηχανή)... никого (или: никакого)... я не нашел бы... от рук копыеносцев... ты (не) погубил своей юной жизни... и тебя спас бог... чтобы ты увидел меня оставшимся одинок м... лежа во мраке... вернулся на свет...».

Лассерр восстанавливает содержание этого стихотворения следующим образом: по его мнению, оно описывает встречу друзей после разлуки. Вначале Архилох рассказывает, что он ответил Необуле, которая приняла его без достаточного уважения из-за его жалкого положения. Он сказал ей, что его положение еще не такое плохое, что он еще в состоянии помогать друзьям и вредить врагам. После слова μόρηξ Лассерр ставит точку, а слова λόγωνων τῶδε ἀληθείη πάρα (чтение, впрочем, далеко не бесспорное) он переводит: «А в следующем изречении оракула есть правда». Но τῶδε не читается на папирусе, а если бы и читалось, то, как известно, в поэзии ὄδε может относиться и к предыдущему и к последующему; слово же λόγος, вопреки мнению Лассерра, никогда не употребляется в смысле «изречение оракула» (χρησμός): без пояснения читатель не поймет это слово в таком смысле. Однако, по мнению Лассерра, Архилох здесь говорит о полученном им в Дельфах оракуле: будто бы наксосцы напали на основанный паросцами на Фасосе город и разорили (ἐξεπύρθησαν) его. Архилох с оружием в руках снова взял (ἀνεῖλε) этот город, вследствие чего дельфийский оракул предрек ему: «Властвуй в этом городе и будь его тираном!».

Все это совершенно невероятно. Из сочинения историка Демея, цитированного на паросском памятнике Архилоха (Diehl, fr. 51), мы узнаем, что в архонтство Амфитима на Паросе паросцы одержали полную победу (ἐνίκησαν καρτερῶς) над наксосцами и что эту битву Архилох воспел в приводимых здесь же стихах, но ни в словах Демея, ни в этих стихах не говорится, что эта битва произошла на дале-

^{1a} Кроме Лассерра, этот отрывок толковали К. Latte, «Gnomon», 1955 (27), стр. 493—495; W. Peek, «Philologus», 1956 (99), стр. 193—201; G. Schiassi, «Rivista di Filologia Classica», 1957 (35), стр. 151—166.

Толкование Латте основано на неоправданном чтении τῶνῃ («в самом деле?») вм. γῶναι («о, женщина»), стк. 8: τῶνῃ встречается только в дорийском и эолийском диалектах; эпическая форма здесь неуместна. Палеографически это чтение также вряд ли приемлемо. Поэтому толкование Латте отвергнуто всеми исследователями. Так же невероятно его предположение, поддержанное Peek'ом, будто в стк. 19 надо читать τῆν εἶλες ἀίχηῃ вм. ἀνεῖλες ἀίχηῃ — ср. fr. 51 IV A 13 Diehl: ἀνεῖλες ἀίχηῃ! — и что это τῆν и ἔνασσε (стк. 20) относится к женщине: «Над ней командуй!» Захват в плен женщины при ограблении города не доставлял воину «великой славы» (μεγα κλέος), толкованге же фразы как: «Царствуй и господствуй над своей женой!» — придает неуместный комически-издевательский оттенок.

ком Фасосе или что сперва наксосцы разорили город, а затем паросцы захватили его снова под предводительством Архилоха. Кроме того, ἀνεῖλες в греческом языке может означать только «разрушить», «уничтожить», «убить», а не «снова взять». Да и образ Архилоха — военачальника и полководца — трудно увязать с fr. 13: Γλαῦκος, ἐπίκουρος ἄνθρωπος φίλος, ἔσχε μάχεται, fr. 40: καὶ δὴ ἴπικουρος ὥστε Κάρ κεκλήσομαι и fr. 2: ἐν δορὶ μὲν μοι μάζα. Из этих отрывков видно, что Архилох служил наемным солдатом, что он боялся за свою судьбу после окончания войны — он считал, что его положение мало чем отличалось от положения карийского раба; хотя он свой горький хлеб зарабатывал военным делом, он с презрением относился к богачам и тиранам (fr. 22), — и этому-то человеку, сыну рабыни, Аполлон предрекает, по реконструкции Лассерра, неограниченную власть над Фасосом, хотя мы нигде не слышим, чтобы на Фасосе уже в VII в. до н. э. была тирания! Желая сделать свое толкование более правдоподобным, Лассерр переводит ἐν δορὶ и «на корабле», а в стихе Архилоха, в котором поэт с презрением говорит о тирании — μεγάλης δ' ὄψε ἐρέω τυραννίδος — Лассерр видит ответ Архилоха на предсказание Аполлона, согласно которому Архилоху суждено было стать тираном Фасоса. Архилох выражал ненависть и презрение к тирании не только в fr. 23, но и в басне об обезьяне и лисице и в fr. 70 о тиране Леофиле. Возможно ли, чтобы в беседе с Необулой Архилох гордился этим (мнимым) предсказанием? Во второй части стихотворения Лассерр видит рассказ о несчастьях, постигших Архилоха и его друга. Это толкование я считаю в общем правильным, но я не могу согласиться с «романтическим» толкованием стихов 26—27. На папирусе читается только [γυρῆς ἀφικ[ ]μοισινέ [..... | χεῖρα καὶ π[.] εστ[.] θη[ ]; Лассерр дополняет χρήγυρῆς ἀφικ[όμην... γ]μοισιν ἐ[ξ]ηρτυμένοι[ ] | χεῖρα καὶ π[αρ] εστ[α] θη [ν ὄρ] ούσας, и толкует это место так: Архилох соскочил с судна и бросился к Необуле (которая, может быть, встречала его в гавани; или же он побегал к ее дому); он был счастлив от мысли, что он снова увидит честную женщину и соединится с ней браком, к которому все было приготовлено. Он уже взял ее за руку — но тут он вспомнил о грузе, бывшем на судне. Но (груз) погиб. «Я, — говорит он, — уже никакого (οὐτὶν^ο — но груз φόρτιον среднего рода — С. Л.) не нашел бы... его поглотила волна моря».

В этом дополнении все крайне искусственно и непонятно: зачем Архилох сперва сообщил содержание своей речи, которую он якобы произнес перед Необулой, и только через пять строк, посвященных судьбам его и его товарища, рассказал при каких условиях эта речь была произнесена? Гавань в Паросе должна была быть защищена от ветров; к тому же греки имели обыкновение по прибытии на место вытягивать корабль на берег. Как могло случиться, что судно было в паросской гавани опрокинуто и унесено волной за то короткое время, пока Архилох подошел к Необуле и взял ее за руку? Притом для ионийской девушки считалось неприличным выбегать навстречу мужчине или вести с ним разговоры: Архилох должен был говорить не с ней, а с ее отцом Ликамбом. Нельзя забывать и того, что в интересующем нас месте папирус очень сильно поврежден и здесь возможны любые дополнения; как раз решающее слово γάμοισιν отсутствует — мы вправе дополнить, например, ὀδὰμοισιν или даже δόμοισιν, ὠμοισιν и т. п.

Я предпочел бы разрешить загадку этого стихотворения другим путем. Как известно, басни Архилоха служат по большей части только поучительными примерами, приведенными в связи с теми или иными фактами его собственной жизни (ср., например, fr. 88: πάτερ Λυκάμβρα и т. д., где Крузиус, RE, Archilochos, стб. 494 и 501, справедливо видел часть басни о лисице и орлице, fr. 86). В других случаях примеры брались не из мира зверей, а из мифологии; этот прием остроумно пародируется в Ars amatoria Овидия. Ниже будет отмечено влияние Архилоха на Катуллу и Горация. В двух стихотворениях Катуллы (64 и 68), в семи одах Горация (I, 3, 16, II, 4, 18, IV, 3, 7, 16) и в двух его эподах (13, 17) реальные факты из жизни иллюстрируются мифологическими примерами.

Стоит только в стихах 1—21 нового стихотворения признать такую же мифологическую параллель, и не придется считать, что Архилох два раза возвращается

к одному и тому же событию, и недоумевать по поводу композиции, при которой речь, произнесенная Архилохом перед Необулой, значительно предшествует описанию той обстановки, где она была произнесена. Если не разрывать действия в середине стиха, после слова $\mu\omicron\rho\mu\eta\zeta$, то ст. 17—20, где читается $\sigma\upsilon\ \delta\acute{\epsilon},\ \alpha\nu\epsilon\lambda\lambda\epsilon\varsigma,\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\iota\eta\upsilon\ \xi\chi\epsilon$, обращены к тому же лицу, что и в ст. 7—16, т. е. к женщине (ст. 8: $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota$). Женщина, которая убивает или уничтожает и царствует как тиран, невозможна в обстановке VII в. до н. э.; это возможно только в мифологии. В мифологии это, например, царица амазонок, или царица саков Зариней, или Гипсипила, царица лемнианок, перебивших своих мужей². Поэтому дополнять и толковать напирус надо, исходя из одного из этих предположений.

Так, если видеть в $\gamma\upsilon\upsilon\eta$ Гипсипилу, то можно восстановить ход действия примерно так. Друг Архилоха впал в уныние после ряда бедствий, которые ему пришлось претерпеть; Архилох, чтобы утешить его, приводит, как это обычно в лирической поэзии, пример из мифологии. Насколько правдоподобно такое восстановление, видно из римских параллелей у Катутла и Горация. Влияние Архилоха на Катутла отмечено только в последнее время³; Гораций же сам заявлял о влиянии на него Архилоха (Epist., I, 19, 23: *Parios ego primus iambos ostendi Latio, numeros animosque secutus*); на это влияние указывал уже Ф. Лео⁴; в этом с ним согласен и Лассерр⁵. Размеры эподов Горация полностью заимствованы у Архилоха⁶. В частности, обстановка в новом стихотворении Архилоха напоминает обстановку в 68-м стихотворении Катутла (v. 33: $\kappa\acute{\omicron}\mu' \ \acute{\alpha}\lambda\acute{\omicron}\varsigma\ \kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\chi\lambda\upsilon\sigma\epsilon\nu$ = Catull., v. 2: *naufragum ut eiec-tum sputantibus aequoribus undis*) и в 7-й оде II книги Горация. II здесь поэт встречает своего старого боевого друга, встречей с которым он чрезвычайно обрадован — v. 25: $\acute{\iota}\rho\pi\alpha\lambda\iota\zeta\omicron\rho\alpha$ (= $\acute{\iota}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma\ \delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\rho\alpha\iota$, Hesych.) = Hor., v. 27: *recepto dulce mihi furere est amico*); и у Архилоха, и у Катутла, и у Горация валицо сравнение превратностей судьбы автора с превратностями судьбы друга.

Как раз в этом стихотворении Катутла, посвященном другу, претерпевшему несчастье и впавшему в уныние, и содержится обширная мифологическая параллель (ст. 73—108: Лаодамия и Протесилая).

Поэтому содержание ст. 6—20 нового стихотворения я представляю себе тоже как мифологическую параллель. Ясон прибыл на Лемнос и был гостеприимно принят царицей Гипсипилой. Она рассказывает Ясону о своем трудном и опасном положении. Она глубоко обеспокоена, может быть, потому, что ей посылают проклятия фракийцы за то, что она приказала лемнианкам умертвить вместе с мужьями их фракийских наложниц, может быть, потому, что ее носят лемнианки за то, что она нарушила общее решение — перебить всех мужчин — и оставила в живых своего отца Фоанта. Лемнос же остался лишенным защиты и не может отразить вражеское нападение: здесь оста-

² Женщины, прославившиеся в военном деле, сопоставлены в анонимном сочинении «De mulieribus quae bello claruerunt» (A. Westermann, Paradoxographi graeci, B., 1839, 213), где, может быть, можно найти более подходящий материал для реконструкции, чем выбранный здесь мною для примера.

³ Но его отметил уже Crusius, RE, Archilochos, стб. 506. См. G. Pasquale, Archiloco, «Pan», I, 1933/34, стр. 643 сл.; G. Coppola, Archiloco nei Giambi di Callimaco, «Rendic. Ist. Bologna», 8, 1933, стр. 11 сл.; E. Löwy, Die Chronologie des Archilochos, «Anz. d. Akad. in Wien», 70 (1933), стр. 31 сл.; G. A. Hendrickson, Archilochos, AJPh, 14 (1925), стр. 101, сл. и др. Особенно замечательна связь между образом Необулы и образом Лесбии у Катутла.

⁴ Fr. Leo, De Horatio et Archilocho, Göttingen, Programm, 1900.

⁵ Archil., fr. 45, 88 + 88 A Diehl; Catull., 40; Archil., fr. 28 + 33 Diehl; Catull., 58; Archil., fr. 107; Catull., 56; Archil., fr. 51, p. IV A 5 $\mu\epsilon\tau\epsilon\sigma\omega\sigma'$ $\epsilon\epsilon\rho\mu\eta\varsigma\ \tau\rho\acute{\epsilon}\mu\omicron\nu\tau\alpha$: Hor., Od. II, v. 131 — *sed me per hostes Mercurius celer denso paventem sustulit aëre*.

⁶ Ep. 1—10 = Archil., fr. 88—104 Diehl; Ep. 11 = Archil., fr. 118; Ep. 12 = Archil., fr. 105 Diehl; Ep. 14—15 = Archil., fr. 104 Diehl.

лись только женщины, а у Ясона нет с собой его войска, и он не может ей помочь. Это, возможно, рассказывалось в утраченной начальной части папируса.

В сохранившейся части Ясон отвечает Гипсипиле, что ей нет нужды бояться дурной молвы — он позаботится о женщине, оказавшей ему благодеяние, она может быть совершенно спокойна. Он не в столь жалком положении, чтобы оказаться трусом перед лицом своих друзей — не таков он и не таковы его предки! Он умсет оказывать друзьям дружеские услуги, а к врагам быть враждебен и словом, и делом. Поэтому царица может спокойно пребывать (ἐπιστρέφεσθαι) в городе, который мужчины запятнали своим поступком, царица же перебила их с оружием в руках и этим прославилась у всех людей. Поэтому — царствуй и владычествуй!

При таком понимании пришлось бы дополнять стихотворение иначе, чем поступает Лассерр. Ст. 18 придется дополнять приблизительно так: πῶλιν δὲ ταύτην. . . [ἦν] ᾧ οἱ ποτ' ἄνδρες ἐξ[εφύρω]σαν, οὐ δ' [οὐδ'?] ἀνεῖλες и т. д.; οἱ в этом случае — артикль: οἱ ἄνδρες «мужья»; глагол φύρω (вм. общ. φύρω) у Гесиэия: φύρωι μολύνει.

Другие сохранившиеся фрагменты Архилоха менее интересны. Частью это отрывки уже знакомых стихотворений, дающие некоторые существенные разночтения, частью — продолжения отрывков, известных ранее. Так, из Секста Эмпирика известен стих Архилоха, который у Секста читается: ἄλλος ἄλλωι ἐπ' ἔργωι καρδίην ἰαίνεται. Чтобы получился размер, его исправляли так (fr. 41 Diehl): ἄλλ' ἄλλος ἄλλωι καρδίην ἰαίνεται.

Между тем на папирусе сохранилось только]καρδίην ἰαίνεται, а в следующих стихах читалось σάθη и φαλ[, так что, очевидно, речь шла о связях с женщинами, и исправлять надо скорее всего ἄλλ' ἄλλος ἄλληι. Во fr. 30 (из Макробия, I, 17, 9) читалось σήμαινε, папирусное чтение πῆμαινε (2310, стб. II) дает лучший смысл. В известном отрывке о солнечном затмении 648 г. до н. э. (74 Diehl, ст. 9) в одних цитатах читалось ὄλγειν ὄρος, в других ἦδὸ ἦν ὄρος; на папирусе (2313, fr. 1a) читается гораздо более подходящее ἦ δεῖν ὄρος (звери при светопреставлении будут настись на море, а дельфины нырять на горе). Отрывки из неизвестных до сих пор стихотворений Архилоха слишком повреждены, чтобы можно было пытаться их дополнять или восстанавливать. Fr. 2313, 9 и 10 описывают осаду крепости с суши и с моря; луки натянуты, но в колчанах нет стрел. Под № 2315—2316 даны новые отрывки из басни «Лисица и орлица». Эти отрывки прибавляют несколько новых подробностей к басне (у орлицы было два еще неоперившихся птенчика, мать произзительно кричала — οὐ καλὴν ὄτα с пояснением схолиаста: κλάζει, κλαγγάζει). Из той же схолии мы узнаем, что эта басня является личной инвективой (κατεῖρω[ν]εῦεται). Наконец, мы, по-видимому, находим подтверждение тому, что можно было уже раньше заключить из сообщения у Евсевия (Praer. ev., 15, 795a): что орлица упала на землю вместе с птенцами и чуть не была растерзана лисицей, но ее спасли крылья: птенцы попались в лапы лисицы, а орлице удалось улететь.

Сравнительно хорошо сохранилось шесть стихотворений Анакреонта (№ 2321 и 2322). Здесь нет ни одного стихотворения с повторением сплошь одинаковых стихов (гемиямбов), как в псевдоанакреонтических стихотворениях; все новые стихотворения написаны строфически (3 анакреонтея и 1 каталектический анакреонтей или 3 анакреонтея + 1 ямбическая стопа). Например, № 2321, fr. 1 — стихотворение, посвященное возлюбленному — мальчику:

φωβράς δ' ἔχεις πρὸς ἄλλωι
φρένας, ὦ καλλιπρόσωπε
παῖδ' ὄν.

Уже ранее нам было известно из Стобея — «шуточное и пустяковое» (γελοῖος καὶ μικρολόγος) стихотворение Анакреонта, оплакивающего кудри, которые остригли у его любимца мальчика Смердиса. Из этого стихотворения нам было известно только два отрывка:

- 1 Ты остриг такой прекрасный
Нежный цвет его кудрей.
2 И тряся фракийской гривой

Теперь мы получили, кроме начала, почти полный текст этого стихотворения. Даю его в переводе:

. . . . .
Тех кудрей, что так прекрасно
Оттеняли нежный стан.
А теперь — совсем он лысый,
А венец кудрей прекрасный
Брошен мерзкими руками
И валяется в пыли.
Грубо срезан он железом
Беспощадным, я ж страдаю
От тоски. Что будем делать?
Не во Фракии же мы!

И, наконец, даю в переводе еще одно стихотворение, по-видимому, очень серьезное и грустное, написанное вовсе не в «анакреонтическом» духе:

С болью думаю о том я,
Что краса и гордость женщин
Все одно лишь повторяет
И клянет свою судьбу:
«Хорошо, о мать, бы было,
Если бы ты, меня приведши
К морю злобному, столкнула
В волны синие сейчас!»

Сохранившийся небольшой отрывок из новой комедии представляет некоторый интерес для предьстории комедии Плавта. Первые две фразы — четыре заключительных стиха какой-то сцены. Это разговор двух лиц: один предлагает другому успокоиться и еще немного подождать; другой говорит, что его охватил ужасный, нечеловеческий страх. Первый отвечает: «Ну, в добрый час, пора начать действовать, мы мешкаем, как мне кажется, мы пренебрегаем здешними делами». В следующей сцене молодой человек разговаривает с женщиной: «Вот я и говорю тебе, мамаша (μαμμία). Клянусь богами, я много раз хотел это сказать тебе, но не мог — мне было стыдно». Женщина отвечает ему: «Это и есть лучшее доказательство (твоей добродетели), — как дополняет Френкель). Молодой человек продолжает: «Со мной неожиданно встретилась (или: встретился)» . . . «Неожиданно?» — спрашивает женщина, и молодой человек что-то ей объясняет. Это место повреждено; можно разобрать только: «Сестру . . . чтобы . . . пусть мне помогают. Он же сделал все наоборот . . . и теперь я (уже) женился бы. Если же ты хочешь взять (младшую? Я дополняю примерно так: εἰ δὲ [τὴν νεωτέραν?] [βούλει λαβείν) . . . »

Женщина отвечает: «Дочь Кле(обулы)? Но ведь она имеет лицо . . . »

И, наконец, сохранился отрывок из монолога раба: «Нет нужды в длинных речах. Такой кроткой матери еще никогда не существовало, но, Дромон, тебе надо потрудиться на пользу дела. Ведь я боюсь . . . я вижу полицейскую охрану . . . ».

По-видимому, в этой пьесе молодой человек, случайно встретив девушку из хорошей семьи, сошелся с ней; он решил жениться на ней, но долго не решался сказать об этом ее матери. Мать оказалась очень доброй и снисходительной женщиной. Однако обстоятельства сложились так, что в дело вмешалась полицейская стража. Раб Дромон придумывает какую-то хитрость, чтобы выйти из создавшегося трудного положения. В монологе он обращается к самому себе в третьем лице с артиклем, выражающим высокомерное отношение к подчиненному лицу (δεῖ συμπόυειν ὁ Δρόμων), т. е. так, как если бы с ним разговаривал его хозяин. Новым в этом отрывке комедии является указание на φυλακή, полицейскую стражу.

№ 2330 представляет собою отрывок из «Персидской истории» Ктесия. Этот отрывок посвящен романтическому эпизоду самоубийства воина: женщина, спасенная им от смерти, отказалась отблагодарить его любовью. Этот эпизод был хорошо известен из краткой заметки у Цецы и из более подробного пересказа у Николая Дамасского, Димитрия Фалерского и из автора анонимного сочинения «О женщинах, прославившихся в военном деле»⁷, но подлинный текст отрывка дает впервые наш папирус. Основной интерес его — языковой и стилистический.

№ 2331 представляет собой отрывок из поэмы о подвигах Геракла. В языке поэмы уже чувствуется влияние латыни: «палача», «убийца» передается словом *καρνάρης*, взятым из латинского языка (*carniarius*). Наиболее интересны в этом папирусе иллюстрации — это единственное дошедшее до нас иллюстрированное литературное произведение древности. Только на дошедших до нас двух столбцах помещены три иллюстрации, дающие три эпизода борьбы Геракла с Немейским львом (из них только одна сохранилась отчетливо). Это простые контурные рисунки, без фона и обрамления; они выполнены зеленой и желтой краской. Сцена представляет собой разговор Геракла с Нереем. Нерей задает Гераклу вопрос: «Какой первый подвиг ты совершил?»; Геракл отвечает, что он удушил могучими руками Немейского льва.

Наиболее интересен для историка религии № 2332 — «Пророчество горшечника». Это «Пророчество» было нам до сих пор известно по двум папирусам: вводная часть — по утраченному ныне папирусу из частной библиотеки Графа в Вене; основная часть — по папирусу из библиотеки эрцгерцога Райнера. Кроме того, до нас дошло несколько памятников сходного содержания. Из них самый важный — египетский демотический папирус из той же библиотеки Райнера — пророчество, данное вешим ягненком царю Бокхорису. Эти памятники породили обширную литературу, указанную издателями в комментарии к папирусу. К сожалению, издателям папируса (Лобель пользовался при толковании этого документа консультациями проф. Александера и проф. М. Д. Нока) осталась неизвестной моя работа «Die ägyptische Bibel», «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», 44 (1926), стр. 107—109, где в значительной мере были уже сделаны те выводы, которые издатели делают только теперь, и, в частности, уже было указано на близость этого документа к «Апокалипсису Илиис»⁸. Новый документ не содержит вводной части, а основной раздел имеет существенные отличия от папируса Райнера. Первая часть этого раздела (стб. I) настолько отличается от соответствующей части папируса Райнера, что не может быть речи о восстановлении общего прототипа; вторая часть (стб. II) гораздо ближе к соответствующей части папируса Райнера. Поэтому издатели довольствуются в этом случае только указанием различий.

Основное содержание памятника: тяжелые бедствия, которые терпят египтяне за их грехи, «перевернутые отношения» в природе и обществе, — Солнце мелеет, солнце сле светит, «верхнее становится нижним», вторжение иноземцев и преследование египтян и, наконец, приход царя-Спасителя и наступление счастливого времени. Сопоставление папируса Райнера с новым памятником приводит издателя к выводу, что, начиная со времени независимого Египта и до III в. н. э., этот рассказ бытовал в народе, причем в каждую новую эпоху в него вносились изменения, соответствующие духу времени. Иноземцами, вторгшимися в Египет, оказываются то персы, то сирийцы, то евреи, то греки. В редакции папируса Райнера можно было только догадываться, что упоминаемый здесь «приморский город» иноземных пришельцев — это Александрия; в новой редакции названы греки (стк. 33: . . . τοῖς Ἑλλήσι; τὰ κακά). Прежде можно было лишь по содержанию предполагать о связи между пророчеством горшечника и пророчеством ягненка царю Бокхорису; в новой редакции упомянуто: [Β]άχαριν ἤμε(τ)ὸ ὄμιλος. На основании других параллельных египетских текстов прежде можно было только строить гипотезы о том, что в пророчестве горшечника говорилось о «перевернутых» общественных отноше-

⁷ См. прим. 2.

⁸ A. Steindorff, Die Apokalypse des Elias, Lpz, 1899.

ниях; фраза *ἔσται δὲ καὶ τοὺς ἀδελφοὺς καὶ τὰς γα[μετάς]* (стр. 11) была непонятной. В новой редакции об этом сказано вполне отчетливо: «И рабы станут свободными, а их господа будут нуждаться в самом необходимом, и девушки... будут подвергаться насилию, и собственный отец будет отбирать мужа у дочери, и люди будут жениться на собственных матерях, и мальчики будут принудительно и насильственно приноситься в жертву»...

Издатели папируса ставят вопрос, почему тексты этой группы особенно усердно переводились с египетского и переписывались в конце IV и в III в. до н. э. В этом, по их мнению, выражались ненависть и зависть к правящему греческому классу — прежде всего египтян (см. пророчество ягненка, написанное по-египетски). Но появление таких же текстов на греческом языке не может быть объяснено подобным образом, так как египетская беднота не говорила по-гречески. Издатели объясняют это ненавистью низших неолитоправных классов греческого населения (poor-white) к зажиточным членам греческих городов и *πολιτεῦματα*, которые одни только имели политические права и участвовали в законном ограблении бедного населения.

Том XXIII, также включающий литературные папирусы, менее интересен, чем том XXII.

№ 2354 представляет собой начало «Каталога женщин», непосредственно примыкавшего к «Конец Феогонии» Гесиода: начальные стихи «Каталога» представляют собой конечные стихи (1021—1022) «Феогонии». Здесь сообщалось, что боги сошлись со смертными женщинами и «развязали им девичьи пояса». Чтобы объяснить, почему боги в те времена так часто имели дело со смертными женщинами, дана краткая характеристика «золотого века»: смертные люди тогда сидели рядом за столом и ели вместе с бессмертными богами. При этом женщины были долговечнее мужчин.

Отрывки № 2356 (из элегии Архилоха) и № 2357—2358 (из Сафо) настолько коротки, что их смысл неясен.

№ 2359 и 2360 — отрывки из стихотворений Стесихора. В первом описывалась калидонская охота на вепря и перечислялись ее участники. Во втором описывалась поездка Телемаха к Менелая, известная из «Одиссеи». Сохранившийся отрывок рисует встречу Телемаха с Еленой — Елене еще до прибытия Телемаха было дано чудесное знамение с неба.

№ 2361 содержит известное уже раньше двустишие (№ 26 у Бергка) из эротического стихотворения Вакхилида; новый папирус показывает, что это стихотворение, в отличие от других стихотворений Вакхилида, было написано на ионийском диалекте (*μοῦνον, φίλην*) и что рукописное *μῦνον* должно быть исправлено на *μοῦνον*.

Из других отрывков Вакхилида (№ 2363—2368) интересен лиро-эпический отрывок, описывающий известный эпизод с Пасифаей. Она влюбилась в быка и, чтобы он мог сблизиться с ней, приказала Дедалу, «мудрейшему из плотников», сделать полую деревянную корову, скрыв это от «лучника Миноса, вождя кносцев». Но тот, узнав об этой страсти своей жены, был глубоко удручен этой вестью.

Далее следуют небольшие отрывки из трагедии «Инах» Софокла (№ 2369), из стихов Коринны (№ 2370), стихи какого-то неизвестного беотийского поэта (№ 2371—2374), отрывки из «Гекалы» Каллимаха (№ 2375—2377) и какие-то эолийские лирические стихи (№ 2378).

Наконец, № 2382 — это многократно уже исследовавшийся отрывок, теперь он впервые издан палеографически безукоризненно на основании нового сличения текста. Этот отрывок представляет собой образец нового неизвестного нам жанра — инсценировку геродотового рассказа о Гиге и Кандавле. Это монолог, вложенный в уста некоего лидийского гражданина, пришедшего во дворец, когда там произошло убийство Кандавла.

Таково в основном содержание томов XXII и XXIII «Оксиринхских папирусов». Они принесли нам новые тексты, которые еще много лет будут занимать умы филологов.

С. Я. Лурье